

ВАЛЕРИЙ ИСАЕВ

БЕРЕЗНИЦКИЕ БРЁХНИ

*... не важно, кто предписывает нации законы,
а важно, кто пишет для неё песни...*

...ПРО ТО, КАК ПИСАЛИСЬ БРЁХНИ

С написанием всех этих историй никаких трудностей, считай, не было... Надо было только соблюдать основное правило — никакой отсебятины! И держать постоянно в голове слова великого Микеланджело: “Как я делаю великие творения? Да очень просто: беру камень и убираю всё лишнее...” И тут эта задача упрощалась до минимума: во всех этих историях, что называется, ни прибавить, ни убавить...

ПРО... ПРО

Наилучшая противоракетная оборона (ПРО) — у нас, у русских, — это смех... Попробуйте, нападите на нас, а мы вас на смех подыдем...

ИСАЕВ Валерий Николаевич родился в 1941 году в Ленинграде. Окончил 1-й Ленинградский медицинский институт. Доктор медицинских наук, действительный член Академии медико-технических наук. Работал по профилю в Рубцовске (Алтай) и в Москве. Автор 12 книг прозы и 6 поэтических сборников. Среди них «Огонь плящий», «Первый и последний», «На краю». Лауреат премии Александра Невского. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ПРО ТАНКОВЫЙ РОВ

А знаешь, почему так люди называют место по дороге на Рыльск сразу за Висклями по левую руку от шляха, чуть не доходя до Белой Горы? А вот почему. Когда-то на этом самом месте стояли сады. Много садов... И на каждой яблоне яблоки были величиной с улей... Падали они, естественно, когда вызревали. И там, где падали, в земле делались глубокие трещины — не выдерживала земля... Трескалась под их тяжестью. А следом за ними ручьи, подземные воды делали своё дело: размывали те трещины в распадки, а потом в глубокие балки, а потом и в заросшие лозой овраги с крутыми высокими обрывами... Там в последнюю войну наши солдатики танки свои прятали. Надёжно они там укрывались от вражеского дозора... Давно это было. Как раз тогда, когда природа с людьми была ещё заодно...

ПРО ЩЕДРОСТЬ

Тётя Клава приезжала в Рыльск к Ищенковой Марии. Сын-то их, Валерка, сделался доктором. Лечит народ... Хвалят его люди. Внимательный, говорят, способный... Жизнь людям спасает... Ничего не боится. Смерть в глаза душой называет... Тётя Клава тоже приехала к нему подлечиться... Не знаю точно, от чего, — врать не буду. Подлечилась... Порадовалась и собралась в обратную дорогу, назад, к себе в Бежецк... А как собралась, давай совать Валерке денежки — ну, в благодарность... Она такая — не может не отблагодарить... Ну, а по нынешним временам одними деньгами и можно благодарить... Всё, чем раньше рассчитывались люди друг с другом — про всё про то теперь забудь, то прахом пошло... Никому не стали нужны ни поцелуи на прощание, ни цветочки, ни поллитровки... Всё то кануло в Лету... Теперь одно — деньги...

Валерка брать деньги не стал. Обиделся даже... И она не настояла... Уехала... Он её проводил до самого Курска... Ехали молчком. Она ни слова, Валерка тоже... Вот что деньги с людьми делают. Родня ведь, а стали между ними деньги эти проклятые, и на тебе — молчком сидят рядышком. Друг друга стесняются, что между ними ТАКОЕ могло выйти...

Ну, проводил он её... Пожелал не болеть больше... Она обещала ему... Села в свой поезд и уехала в Бежецк, а он обратно — в Рыльск тем же днём... Веришь, нет — и месяца не прошло, приходит Валерке посылка — он сам потом рассказывал: еде, говорит, допёр её до дома — такая тяжёлая... Раскрыл — а там картошка! Каждая картофелина завернута в газету "Правда", каждая вымыта заботливыми руками тёти Клавы. Ну, и письмо с незнамо какими словами благодарности. Писала, что не настолько богата, чтобы... ну, и так далее, а вот что смогла, то собрала и посылает от всего сердца... Примите, пишет, не откажите хоть на этот раз, потому что от всего сердца...

ПРО ЛЮБОВЬ

— Дедушка, а что это бабушка меня так часто хворостиной била, когда я был маленьким... За что? Как сейчас помню — гоняет меня посередь двора. Губы, как сейчас вижу, выговаривают какие-то слова, рука с хворостиной — как будто бы она при ней всегда была, даже во сне, на верное. Почему?

— Да потому, внучек, что страсть как она любила тебя... Сам посуди — пошёл ты на речку без спросу. Мест не знаешь... А ну как закрутит тебя омут или в траве запутаешься — не таких вязала по рукам, по ногам наша тихая на первый взгляд речка. А сом — тот может утащить, и не охнешь... Они у нас все как один с телегу длиной — не меньше. Или в лесу запутаешься, собьёшься с дороги. Сам знаешь, наши леса глубокие, тёмные, непро-

лазные... Это только с опушки они такие приветливые да улыбочивые... А соблазнишься — заманят в такие дебри — не выберешься, и перепутают у тебя прямо на глазах север с югом, восток с западом, — поди потом, разбейся, где что...

А чтоб ещё жалче тебе было себя, высыпет лес под ноги грибов — сроду такого нигде не увидишь... А он как на нервах играет — сыпет и сыпет их тебе под ноги... Всё, чтоб довести человека до отчаяния... Вот, дескать, тебе грибы. А зачем они тебе, если пришло время с жизнью прощаться?! О-о-х... Или в лесу *козюлю* встретишь — что с тобой будет? Что с ней будет? Она ведь просто так не отпустит... Да всё, что хочешь, может случиться. Не дай-то Бог... Кого ей тогда любить, за кем, сердечной, ухаживать, кого холить, кого делять? А без любви в наших краях, сам знаешь, люди подолгу не живут... Это когда-то внуков было в каждом дворе по десятку. А теперь ты у неё единственный — ну, как тебя не бить? Бьёт — значит, любит...

ПРО РАЙКУ ПЫКУ

Про нашу дурочку в деревне. Ну, ты знаешь нашу Райку Пыку... Так вот, эта Райка такое тут отчебучила — хоть за голову берись и так ходи... Ну, сам посуди. Случился тут у Мишки Ляхова пожар... Да главное — ночью. Они, пожары эти, ты скажи, всегда, как я заметил, самое неудобное время выбирают. Нет, чтобы по видному, при свете, на солнышке. Так нет... Обязательно им надо, чтобы в потёмках, чтобы люди переполошились, чтоб не знали, куда им кидаться, что делать. Так и тут. Еле успели выскочить из хаты, кто в чём был... Повыскакивали через окна и давай криком кричать: “Помогите, люди добрые! Помогите! Ратуйте! Ратуйте нас!” Да... А дом-то на Крючковщине стоял, у самой воды. Вот и получилось, как два пожара: один тут, на берегу польхает, а другой, ну, ничуть не меньше, — в речке, отражение, значит, на воде. Который на берегу — огонь до самого неба, а тот, в речке, аж по самому дну скребёт.

Ну, кинулись люди выручать Ляховых. Давай к речке бегать да черпать воду, да поливать неужённое пламя кто из чего: из вёдер, из трёхлитровых банок из-под огурцов, а Жактоновы — те *балию* припёрли и в двух таскали воду, чтоб поболо было... Но огонь такой сильный был, что ливанут они воду из своей *балии*, — а вода, смотрим, вода — ты слышишь? — вода загорается! Слыханное ли дело, чтоб вода горела. А тут *на* тебе — горит, как свежевыгнанный самогон, как первач... Словом, не сразу заметили за той паникой, что Райка Пыка тоже взялась тушить, да только свой пожар, — ну, тот, который в речке был, в отражении... Сам понимаешь, *ума-то палата*... Люди на берегу делом заняты, а Райка — та тоже при деле, каждый свой пожар тушит... Люди набирают воды во что попало и к горящему дому, а Райка набирает воду да бегом — с одного места речки да в другое льёт. Погасили, правда, одновременно... И на берегу погасло, и в речке тоже, — только дымок ввинчивался в тёмную густую воду, да сильно стало пахнуть гарью — что на берегу, что от воды.

Ну, погасили и погасили... Как-никак, сразу два пожара. Как ни крути, большое дело сделали — пора и по домам, досыпать, попритомились же люди. И Райка тоже затихла, тоже ж устала... Сидит себе на берегу. Отдыхает. Каждый сделал своё дело. Кто о ком вспомнил тогда в ту ночь — то ли люди про дурочку, то ли она про них, — этого не помню, а только помню: люди стоят напротив неё и говорят: “Всё, Раечка, пошли-ка, милая, по домам... Хватит. Потрудились и ты... Молодец...” А она подняла лицо — а по нему слёзы текут. А сама молчком руки к ним протягивает... Веришь — нет, а все руки в волдырях, в ожогах поделались... Страшно смотреть. Я дак не так пожар с той ночи запомнил, как эти Райкины обожжённые руки...

Помолчали. “Вот, внучок, и смотри, — дура дурой, а чужую беду ближе всех к себе подпустила...”

ПРО ПЕРВЫЙ ТРАКТОР

— Ты ж, внучок, смотри, пойдёшь на речку — знай: между Ближним и Дальним Ровцом лучше не купайся, а будешь купаться, имей в виду — там на дне, сразу за обрывом, откуда голавли выворачивают на мелкое место, — там самый настоящий трактор лежит на дне и до сих пор, если хорошо прислушаться, работает, тарахтит себе вот уж, почитай, полвека... Во какие движки раньше делали. Ещё бы — ведь на каждой детали тот, кто делал её, оставлял свою фамилию. Так им товарищ Сталин велел, чтоб, если что, было с кого спросить строго. Люди тогда к власти прислушивались — так и делали, как она им велела, не увиливали... А уж сколько лет прошло! Так и работает до сих пор, прямо в воде. Наши ныряли — ну, чтобы выключить — жалко же: столько керосина за эти годы перевели — сам подсчитай. Да что-то не получилось... Не могут выключить его никак. Да... Так ты имей в виду, что он там, на дне, под обрывом как раз. На этом месте ещё ветла стоит, печалится. Так что шибко глубоко не нырай, а то наткнёшься...

— А чего это его туда занесло, дедушка?

— Ну, дело было так. Конечно, ждали трактор очень. Наконец, дождался. Славку Вербина послали в МТС, приехал он на новеньком, на первом в нашей деревне тракторе — красивом таком, пахучем... То ли он, Славка, перенервничал — ещё бы! столько народу собралось поглядеть на трактор... То ли ещё что... Не знаю. Да только ехал он, ехал по Плетеньку, может, намеревался тормознуть у самого края кручи — ведь любитель покрасоваться... А когда надо было трактору остановиться, наверное, всё-таки занервничал Славка, такая ответственность всё-таки, запутался он ногами, не смог нажать на нужный рычаг — не нашёлся он в тот ответственный момент... Еле успел — слава Богу — сам выскочить, не поранился даже, только весь мокрый стоял — то ли потому, что из воды высигнул, то ли от расстройства так сильно плакал — ещё бы, страсть такая! А может, и со стыда — на глазах у всей деревни случилась такая беда.

Он же, когда ехал, героем себя чувствовал — глаза блестели не хуже самого начищенного по такому случаю бескучного трактора... Да, вот нескладёха вышла. Обидно, праздника, конечно, не получилось. Какой уж тут праздник... Тут тюрмой запахло. Ну, а трактор так и пошёл винтом под откос, только его и видели... Глубина в том месте — сам знаешь, большая.

Доставать не стали, да и не достали бы всё равно: надо было б для этого другой такой трактор, а кто ж нам его даст после того, что случилось. Да и по слухам — бабы ж всё про всё знают! — откуда только? Но только говорили, будто он и был один на всю Россию. Он работает там и по сей день. Вербин же не успел выключить мотор — не о том в последний момент думал, конечно. Жить-то любому хочется. Прислушайся — не смотри, что глубина страшная, — всё равно слышно, как он там тарахтит, принохайся — от воды керосином пахнет...

О СПРАВЕДЛИВОСТИ

Как-то бабушка твоя Варя прихворнула. Послала меня с узелком в поле на ток — Николаю пообедать отнести. Я и пошёл. Ещё издали вижу: трактор так ровненько пашет — заглядение одно. Да лемеха на солнце слепят — от сильной работы блестят, как стеклянные сделались, — всё в себе отражают. Даже меня с узелком. А когда трактор к самому краю поля подкатил, тут-то я и вижу: что-то не так... А он это раз, развернулся, выпустил дым и давай назад — новую борозду ладить... Только я его и видел... Потарахтел себе дальше! Но я всё ж-таки успел разглядеть — дверца на развороте отворилась так широко, что стала видна вся кабина, как есть... Веришь — нет, а там... ни-ко-го... Вот-те раз, думаю. Как же это так? Сроду про такое не слышал, а уж видеть такое — первый раз в своей жизни вижу... Вот он, тот самый случай, когда, как говорится, глазам своим не верю... Стал я Кольку искать. Вижу — лежит он на боку недалече и храпит во всю мочь...

А я по первости думал, что это трактор. Подхожу. Смотрю. Лежит. Пригнулся, понюхал — водкой пахнет... Ах, ты, думаю, сукин сын! Как работать, пахать — так вместе, а как пить, так порознь. Несправедливо!.. И решил так: вот тебе — и скрутил перед спящим Колькиным носом дулю. Развернулся и понёс узелок с обедом тому, кто его заслужил. Благо, трактор уже с другого конца поля вертелся... Я к нему, а он ко мне заторопился, как чувствовал, наверное, что время обедать подошло...

ПРО ЖИГУЛИНА НЕБОХОДА

Лёнька Жигулин, слышь, чего придумал... Надоело, говорит, ему до города добираться абы как... Раньше, бывало, и машина остановится, и телега, на волах добирались, на катере тоже... Всяко-разно. Сейчас совсем другое дело. Никто не остановится, не подвезёт. Промчится мимо, ещё и дулю влед покажет, расхохочется... Даже в оккупацию немцы — и те останавливались. Другое дело, что везли потом уж сразу на расстрел... Но ведь останавливались же! А эти нет. Себе на уме...

Ну, и устроил им Лёнька состязание умов: решил соорудить воздушный шар, чтоб ни от кого впредь не зависеть. Всю зиму овечьи шкуры вымачивал, истончал, дубил, сушил, на вальках утюжил... Всех овечек своих перевёл на святое дело. Ещё парочку у бабки Христи прикупил — своих не хватило. К весне, в аккурат когда дороги установились и народ потянулся к городу, к базару, объявился и Лёнька. По запаху узнали про то, что он ещё цел, жив и очень даже здоров, потому что сквозь щели в плетне видно было, как он с утра и до позднего вечера с ведром носился от свинарника к распростёртому посереде двора своему будущему дирижаблю... Это он воздух из свинарника носил и заправлял им воздушный шар... Оказывается, воздух особенный нужен был. Обыкновенный наш, которым мы все дышим, для этих целей не годится — не тянет вверх. А вот из свинарника — тот совсем другое дело. Ведь всякое г..., ну, вы понимаете... норовит всегда наверх, на самый верх... изо всех своих силёнок и как можно скорее.

На это и был сделан расчёт. Дирижабль потихонечку подымался — сначала над колодой, потом над хижкой, потом уже и над сараем, над грушею, а груша у них столетняя — под самое небо. Вот в один из базарных дней люди и увидели Лёньку Жигулина, да не где-нибудь, а в небе... Он, как и все, торопился на базар. Но только на свой манер — по воздуху. И с той своей высоты он чувствовал явное превосходство над теми, кто медленно (“вот бедолаги!”) пробирался в том же направлении — к городу, к базару, — и в глубине души он даже сочувствовал им. Они там, на дорогах, которые с высоты птичьего полёта выглядели как ручейки, стекающиеся к одной точке — Рыльску, а он — над ними, высоко в небе.

А вот и базарная площадь, памятник великому земляку нашему Шелихову... В голове у него пронеслось шальное: “Когда-нибудь и мне благодарные соотечественники... за беспримерные полёты на воздушном шаре...” Но тут же эти высокие мысли вышибло из его головы, потому что он на самом деле ударился всем телом — тормозов-то нет! — об Ивано-Рыльскую гору, последнее препятствие на его победоносном пути, который им был просчитан и предусмотрен, казалось, до мелочей. Вот ведь уже и базар — как на ладони, люди головы позадирали — любуются на него... А тут вот эта горюшка, — как он посчитал, а никакая и не гора даже — так себе... Он её и в расчёт-то не брал — подумаешь! А как выяснилось потом — напрасно...

Ему в тот момент показалось даже, что она встала перед ним на цыпочки, когда он приблизился к ней. Ведь видел же, что пролетает над её вершиной с большим запасом... Но случилось то, что случилось, и не время было разбираться в причинах столь ощутимого удара, полученного им от горы. Мало того, Ивано-Рыльская вдруг заговорила с ним человеческим голосом — строгим и наставляющим: “Как же это ты, Лёня, посмел обойти меня? Чи не знал ты наших верхотурных законов и порядков? Ведь у нас тут — не как на грешной земле. Здесь всё, как ты теперь видишь, по-друго-

му. Тут прежде чем шаг сделать, не семь раз надо отмерять, прежде чем отрезать, как говорится, а десять раз по семь... Как же это ты, милоч, опростоловолился?”

Тем временем Лёнька неуклюже сполз с горы к её основанию. И оказавшись после такого страшного и отрезвляющего удара у её подножья, он вдруг почувствовал, что всё как бы встало на свои места, а в мире восстановился нарушенный было им — нет, конечно, не преднамеренно, не нарочно, не со зла, а просто так, из любопытства, — прежний, существовавший до его дерзкого полёта порядок. Всё встало на свои места, вошло в своё привычное русло, одним словом, всё наладилось. Да, а домой Лёнька возвращался уже пешком — как все.

ПРО БИЦУРУ... ИРОДА

Внучок, а помнишь ли ты? Да хотя как ты можешь помнить... Тебя тогда и на свете-то не было... Но хатку этих Бицуриных ты должен помнить — по дороге к Тарахову болоту, недалеко от селюка как раз. Да, ты про то, конечно, не знаешь... ну, так знай: Бицура был во время последней войны полицаем... И не просто там в штабе бумажки перекладывал. Не-е-ет, казнил да мучил. Вот так. *Ирод*, одним словом...

Так вот, этот самый *Ирод* драпанул с немцами, когда наши наступать стали. С ними и подался в неизвестные края — прятаться от людей, от справедливого возмездия. Уж про него и забывать у нас стали... А тут вдруг письмо приходит аж из самой Америки. Ты только представь себе! И пишет этот самый *Бицура-Ирод* на наш березницкий адрес — ты скажи, помнит, не забыл... а прошло больше чем полвека, считай... Так вот, пишет, дескать, годы мои преклонные, заела тоска по родным местам... Во всём, что натворил я в своё время, разумеется, раскаиваюсь, а то как же... Ну и, в общем, просится к нам в деревню назад, в Березники. Объясняет, как соскучился по родным местам, как из-за того страдает, и умоляет разрешить ему вернуться домой на любых условиях. Хоть на штык... Да только разрешите перед смертью на родную нашу деревню хоть одним глазом посмотреть. Полюбоваться... Ну, а там, дескать, что хотите, то и делайте со мной.

Письмо получилось длинное. Залитое слезами. Видно, что когда писал — горько плакал... Пошло то письмо его по рукам. Наши мужики читают внимательно, видят и то, что между строк написано. Ухмыляются в своей крайней задумчивости. И Мишка Ляхов, и Колька, и Трофим Палыч, и Пилюгин, и Вербин, и Нехрюка, и оба Жахтановых.

Когда вернулось письмо снова к тому, кто пустил его по рукам, помолчали ещё и как-то, не сговариваясь, ясно поняли все вместе и каждый по отдельности, что сейчас надо будет сделать что-то плохое, даже очень плохое, может быть, даже самое что ни на есть плохое... Оно, то плохое, прямо-таки стояло в глазах и у Мишки Ляхова, и у Кольки, и у Трофим Палыча, и у Пилюгина, и у Вербина, и у Нехрюки, и у обоих Жахтановых.

Ещё и ещё раз помолчали, а потом я и говорю мужикам, а сам не верю своим ушам, что это я сказал. Губы-то знаешь что выговаривают? А вот они что выговаривают: “...А как же это мы, мужики, человека встретим на пустом месте? Хата его давным-давно в землю ушла. То ли от стыда за него, то ли по другой какой причине... Нету хаты... Ну, и как же мы ему в глаза-то посмотрим? Русские же люди... Что скажут про нас, а? Надо бы...”

И тут отчётливо понимаю, что сам против себя иду, а сделать с собой ничего не могу... Так и сказал, веришь — нет: “Берусь хату ему новую возвести, коли поможете...” И смотрю на попритихших мужиков... Веришь, нет, Мишка Ляхов говорит, и тоже сам себя не узнает... А я, говорит, берусь сарай ему поставить... “А я, — из своего угла прорычал Нехрюка, и тоже сам себя не узнаёт, — не можем, значит, мы, русские люди, по-другому, что ли, или как? — плетень, говорит, поставлю”, и тоже ёжится... Не может, как и все мы, решиться на что-нибудь плохое... Лучше уж сделать хорошее, а там будь что будет. Ну, в самом деле — не с плохого же начинать.

Как-то не по-нашему, не по-православному... Хотя плохое в этом случае просто напрашивается само собой... Но поди ж ты, никогда не отвечу, наверное, ни я, ни наши мужики, на этот вопрос: из чего такого мы, березницкие, сделаны, из какого такого теста слеплены, что в таких делах сами себя пересилить не можем. А надо бы... Ох, как надо бы! Ведь этот самый Бицура... Да страшно даже говорить... А тут Колька голос подаёт: “Надо бы встретить человека, в город поехать. Человек в преклонных летах. Ну, чтоб всё по-людски было, как следует, а не абы как... Не каждый день такие гости к нам...”

Расходились молчком. В глаза друг друга не глядели — боялись... А чего было глядеть, когда и так оно было всё про всё ясно...

Всю ночь Нехрюка точил топоры да пилы, на другом конце деревни Мишка Ляхов брёвна катал по двору — выбирал самые лучшие, не лежалые...

А на следующий день с самого утра почтальонша телеграмму из города привезла. Прочитали. Узнали, что не повезло нам... Бицура скончался прямо в воздухе над Берлином... О чём нам своевременно и сообщали, потому что нашли, видно, в его одеже наш березницкий адрес. Опечалились было мужики. Приготовились к работе, а тут такое — приказал долго жить... Погоревали недолго... Потому что решили, что Бог отвёл... Неизвестно, как бы всё оно сложилось тут... И Бицуре посособствовал, ну, и нам хлопот поубавил, — на то и Бог! А погоревав, сели, конечно, писать ответную телеграмму, а как же: “Берлин, рейхсканцелярия... Бицуре...” Дескать, соболезнуем... Очень даже опечалены вашим таким известием, ну, и всё такое, что в таких случаях нормальные люди пишут... Подписались с какой-то нескрываемой печалью все: и Мишка Ляхов, и Колька Лизы Трофим Палыча, и Пилюгин, и Вербин, и Нехрюка, и оба Жахтановых.

ПРО ЗВОНАРИХУ

Пудьянов сам мне рассказывал, как подъехал к Белой Горе, к Танковому рву, как раз там, где Синайка наша знаменитая, ну, где гора — не гора, а закиданная землёй выше крестов с куполами церковь стоит по сию пору... Её когда-то, когда все наши церкви рушили, люди, говорят, за одну ночь засыпали землёй, чтоб не отдать лютым врагам... А сверху над ней поставили другую церковку — поскромнее. Для отвода глаз. Та и приняла на себя удар... С тех пор и стоит она: окна повыбиты, двери посорваны, под сводами бывших приделов сквозняки гуляют.

Ну, так вот, подъезжает это он, рассказывает, к этой самой церкви-брошенке. Всё как всегда вроде, а вроде и не как всегда. Задумался — что-то тут не так. Лошадь остановил, чтоб лучше оглядеться. Да, действительно, — всё как всегда, а только колокола... гудут. Вначале один серьбзый такой — буммм. А следом россыпь других, смешливых — *дзень, дзень, передззень...* И опять — буммм... И опять — *дзень...* “С чего бы это, думаю себе?” — говорит. Вчера ещё тут проезжал — ничего такого не слышно было, не видно. А тут на тебе! Поднял глаза на заброшенную церковку — точно, оттуда. В просвете звонницы девушка стоит в белых длинных одеждах. Головка прибранная, аккуратненькая, как у голубки, волосы сзади из-под гребешка стекают с плеч золотыми ручьями прямо в Сейм. В руках поводить от послушных колоколов держит. Дёрнет за один — буммм получается, подёрнет за другие — выходит *дзень-дзень-передззень...* Вся округа заполняется теми глосами. Плывут они по чистому, не замутнённому ничем воздуху далеко-далеко — аж до самых Капустичей, наверное, а то и дальше. Залюбовался я дивчиной... А тут ещё в голове промелькнуло: “Раз молодая такая да пригожая... чего ж я тут стою?” По церкви той с самого детства лазали, все ходы по ней вверх-вниз, вниз-вверх знаю. С закрытыми глазами могу пролезть... Мигом взлетел на звонницу — а на продуваемой со всех сторон площадочке — никого. Только колокола как гудели — так и гудут: буммм-буммм-дзень-дзень-передззень. Я ещё поискал её по углам, под потолок звонницы долго глядел. Ничего не выглядел... Верить, нет, — испугался я. Давай ско-

ренько вниз, той же дорожкой, как горошина, скатился по ступенькам из красного выщербленного кирпича. И сразу же глядь наверх, — а она как стояла там и дёргала за верёвочки послушных своих коней, так и стоит, так и подёргивает их — то один, то другой. Вся как есть такая, как была. Волосы развеваются и ручейками в Сейм переливаются. Платье белое — глаза слепит... И со спины даже видно, что улыбается она мне, что я ей не просто так, что ей совсем не всё равно, что я тут рядом с ней мучаюсь в догадках. Через плечико заглядывается на меня, подмигивает...

Знаешь, не стал я тогда там ни в чём разбираться — страшно мне стало, сделалось не по себе, оторопь меня взяла. Кинулся я к своей повозке и тикать оттуда. А вслед мне колокола: один — буммм, и все остальные *дзень... дзень... передзень...* До самого города ни разу не обернулся, хватило мне этих перезвонов. До сих пор в ушах стоят. А сердце — щемит почему-то, когда про всё про то вспомню...

ПРО НАРОДНОГО ЦЕЛИТЕЛЯ

Считай, половина березницких теперь — армяне. Беженцы. Во всём прекривливают наших — во всём хотят, чтоб как у нас было... И у наших соседей армян завелась корова. И дня не порадовались они... Чем-то не тем покормили. На глазах прямо пухнуть стала. Раздувается. Сделалась, как шар. Вот-вот взлетит. А корову жалко.

Собрался народ вокруг неё, думают, маракуют. Что-то ж надо с ней делать... А в коровьих несчастных глазах жизнь уже умирает. Вот-вот погаснет совсем. А тут Колька Лизы Трофим Пальча на своём тракторе притарахтел. Моментом оценил опытным глазом обстановку. Разгрёб стоявших в нерешительности людей. Не спеша, по-деловому стал привязывать к ошейнику трос от своего трактора. Растворил ворота. И давай потихонечку трогать с места. Пострадавшая еле-еле первый шаг сделала. Прямо отрывается от земли. А бока так и пухнут, так и пухнут прямо на глазах у всех. Затаился народ. Бабы ладошками полуоткрытые рты поприкрыли. Что-то сейчас будет? Замерли и выдавшие виды мужики, затаились крепким табачком и разом выдохнули. Ни коровы, ни Кольки, ни армян не стало видно. Только слышно, из того дыма трактор тарыхтит. Тарахтел, тарыхтел и выволок за собой корову уже на дорогу со двора. Та еле ногами перебирает и всё в небо норовит — туда и поглядывает. Потом дело веселее пошло. Вот уже до дома Славки Вербина дошли, потом за церковь, в Плетенёк, в луговину спустились под горку. Тут уже и трактор, и корова порезвее сделались — да как стали нарезать круги по Плетеньку. Один за другим, и всё быстрее и быстрее... Корова едва поспекает за трактором. А Колька нет-нет да и прикрикнет на несчастную: “Давай, милая, давай, выздоравливай...” После третьего круга поднялся над Плетеньком грохот — аисты из гнёзд на столбах поулетали. А когда летели прочь, всё оглядывались. Оно и впрямь страшно сделалось — так грохотало. То ли это трактор так расходился, то ли это от коровы шёл такой грохот... Гром за громом. Круг за кругом... Смотрим — корова-то по-другому стала выглядеть: бока опали, в глазах жизнь появилась. Бегаёт за трактором, а иной раз так и впереди даже.

А потом Колька давал советы армянам, как и чем кормить животину, чтоб она в небеса раньше времени не заглядывалась, чтобы такого больше не повторилось. Но трактор не выключил, и отсюда не слышно было, что именно говорил он им, — трактор всё забивал своим грохотом. Да так ли уж это важно теперь, когда корова на глазах у всех выздоровела...

ПРО СВЕТЛЫЙ ОБРАЗ ИКОНЫ КУРСКОЙ КОРЕННОЙ

Стропицкие и кольчичеевские, даже осоловские — и те все похваляют, что это, дескать, у них в деревнях нашлась Курская Коренная... Брешут... Никого, внучок, не слушай. И заруби себе на носу — это у нас, в Бе-

резниках, она нашлась... Я сам видел, можно сказать, сам нашёл её. А знаешь — как? Я тебе сейчас всё расскажу. Всё по правде, всё как есть... чтоб ты никого больше не слушал...

А дело было так. Церкву нашу, знаешь, ну, что над Плетеньком стоит. Издали как будто висит она в воздухе... Я, бывало, как кресты её увижу, когда из города иду, — считай, уже дома. Так вот, в этой церкви нашей чего только не было... А последние полвека клуб там размещался. Сколько ж *полечек* да *падыспаней* там люди понатанцевали! Знали бы они... Э-э-эх! И уничтоженная, она продолжала всё-таки делать доброе дело... Вот ведь даже когда клубом стала — собирала же людей под своими сводами, сколько народу перезнакомила... Потом какие крепкие семьи получились! У нас в Березниках ведь ни одного развода не было и нет до сих пор... А какие разные времена пережили. И ведь все вместе. Все гуртом. Все вокруг неё. Вся наша жизнь вертелась вокруг неё...

Вот и ты, может быть, благодаря ей на свет появился... Папка с мамкой твои тут, в церкви-клубе и познакомились: или когда *падыспань* танцевали, или когда кино смотрели в потёмках. А я вот ещё что подумал... Может, поэтому Господь не стал наказывать нас как следует, даже когда тут кино крутили с передвижки?

Передвижка часто привозила к нам в деревню это самое кино. Ну, и кино ж было это кино! Части путали короба, одно и то же показывали по несколько раз, потому что кинщики позволяли себе — понемножку, правда, но выпивать во время показа.

Ну, да ладно... Я не про то. Я совсем про другое, про серьёзное... Так вот, даже когда мы пялились на это самое кино, мы же всё это время в какую сторону смотрели? Спроси меня. А смотрели мы всё это время, оказывается, в самую нужную сторону — в сторону алтаря, куда все настоящие верующие и глядят, когда в храм приходят. Может, это как раз нас и спасло... Пусть так, нерядухой, а глядели-то мы всё это время в нужную, святую, Божью сторону... Получается даже, что мы с него, с Боженьки, и глаз не сводили... Поскольку кино приезжало к нам еженедельно, а то и по несколько раз в неделю, получается, что, сама того не ведая, безбожная власть не давала нам до конца порвать с церковью, с нашей православной верою. А та, в свою очередь, добром ответила — подарила нам светлый образ иконы Божьей Матери — да, да, той самой, Курской Коренной!

А как вышло? Когда церковь сама позвала нас к себе, уже после расстрела Белого Дома в Москве, когда море крови пролилось невинной... Тогда все порушенные церкви позвали к себе под свои своды погрязших во грехе людей — надо ж было где-то каяться и замаливать их, грехи-то. Мы же все той кровью, как мирром, теперь помазаны... Так вот, и наша церковь ни с того ни с сего вдруг с раннего утра взяла да и распахнула двери! Позвала нас. А никто и не открывал их! Говорят, когда присмотрелись, у амбарного навесного замка, что висел на дверях, порвалась дужка... Не ключом, стало быть, была отперта, а какой-то иной силой... Верить — нет... А только народ пошёл, повалил народ в церковь, не стал дожидаться особого приглашения... Не стовариваясь, не рассуждая... И млад, и стар. Как в былые добрые времена... Ну, ладно... Затеяли ремонт — надо ж, чтоб всё путём было. А как залезли на чердак, так сразу и увидели её там... Большая икона... в человеческий рост, лежит лицом вниз. Когда подняли с того конца, где голова, — а там лик Богородицы, Курской Коренной... Верить — нет, а только вся Она была в слезах... А ведь замечали же раньше люди, что-то неладное в клубе было. Вдруг ни с того ни с сего в самый разгар веселья — с потолка будто роса падала... Не один про то рассказывал: "Да так сильно... Аж пятно делалось на потолке мокрое"... С чего бы оно капало, а? Нет, танцевали себе дальше. Столько лет проплакать — это ж сколько скорби надо было в груди держать, обиды на людей, на нас, на каменных! Сколько ж это надо было иметь терпения... Сколько раз на дню в течение почти полувека приходилось ей прощать нас, безумных, творивших не знаю что... Да, ясное дело, все тогда как в угаре каком были. Ну, теперь вся надежда на Неё... Бог нас и исправит, раз Она позвала людей к себе... значит, опять — может, уже в последний раз — но простит Он нас. И поможет спастись нам...

ПРО ВЫШИВАЛЬЩИЦУ

Это дядька Петя из Корнева рассказывал... Говорю, говорит, Нюське, своей жене: “Нюсь, ко двору лошадь с санями подогнали. Собирайся, навоз будем на огороды возить из коровника...” Зачем-то Нюська пошла в сенцы, что-то там стала искать. Да наткнулась на оставленное ею в день свадьбы шитьё на пяльцах. Так, как будто час назад она его оставила, девкой ещё... И иголка ещё с ниткой — мулине, правда, уже выцветшей, — будто только что воткнута. А ведь столько лет после свадьбы прошло — не сосчитать... Потянулись её руки к шитью, взяла она те пяльцы, заулыбалась. Сама потом рассказывала Петьке: захотелось ей прерванное свадьбой дело продолжить... Иголку взяла было в руки, а пальцы-то не слушаются... Ещё раз спробовала. Не тут-то было... Вышла с пяльцами из сеней да к Петьке — мужу своему... “Ты что же, говорит, сукин сын, *жисточку мою забельшил*... Ты смотри, что ты со мной сделал...”. И в нос Петьке шитьё-то тычет... “А ведь я лучше всех вышивала в деревне... А теперь... Смотри, паразит проклятый...”. И опустила на пол, и заплакала горькими слезами...

Петька такого снести не мог — подходит, осторожноенько кладёт ей руку на плечо... А она ему: “Хотела, мол, продолжить шитьё, пустила руки с иголкой по старому, ещё тому — девичьему — следу... А ничего у меня не получается... Захотелось, как раньше было... А руки-то огрубели от работы... Пальцы не слушаются...”. Нынешняя жизнь, стало быть, не пускает её в ту — прежнюю, молодую — колею, не отпускает, препятствует... Сидит она, плачет, обливается горячими слезами...

Лошадь всхрапнула за окном... Петька слова успокоительные Нюське своей: “Не расстраивайся, Нюшенька, дорогая моя... Лом, считай, та же иголка... Ну, малость побольше только... А так... Почитай то же самое... Так что пойдём, поработаем, повышиваем с тобой вместе... ломом. И себе в удовольствие, и людям на радость... Ты будешь отламывать... А я — носить. Не плачь... Пошли. Кобыла заждалась... Пора...”.

ПРО ЧУДО-ЛЕКАРСТВО

Валентин Пилгогин неделю, наверное, ходил и всё за сердце держался. Жаловался, что сильно болит в груди... Щемит, саднит, мучает... Крепко ему, видно, досталось, раз поехал он в город, в Рыльск, в больницу — делать-то нечего... А сейчас добираться — сам знаешь как: машины не останавливаются, катер отменили — денег ни у кого не стало, невыгодно... Да и несколько раз подряд грабили перевозчиков, отнимали сумки с дневной выручкой... Одного чуть не убили... Автобус раз в неделю ходит всё по той же причине — нету денег у народа. Сроду такого не было. Вот и приходится теперь на своих двоих... Ну, добрался кое-как... Побывал у врача... Она ещё ему возьми да скажи: “С вашим сердцем вам надо почаще у врача бывать...”. Она что — издевается? Это как же я могу с больным сердцем десять километров пешком — чаще-то! Вообще помру по дороге...

Ну, да речь не о том... Выписала она Пилгогину лекарство с каким-то длинным-преддлинным названием. Таким длинным, что запомнить его невозможно... Приходит Пилгогин в аптеку... Сердце, говорит, точно помню, пока стоял в очереди, ещё болело... Отстоял очередь, подошёл к окошечку, просовываю туда рецепт... Она тыкала, тыкала пальцем в кнопки кассы и говорит — с вас...

Ну, тут я не стану даже повторять её слова, чтобы не обидеть односельчан, у которых, как и у меня, никогда в этой жизни не будет таких денег... Да... Но, как говорится, рядом с печалью всегда ходит чуть не под ручку радость — так уж устроено в жизни... Вдруг я чувствую, как боль моя в груди пропадает куда-то, растворяется, исчезает. И вот уже её и совсем не стало... Думаю, вот это лекарство!.. От одного упоминания о нём всё проходит... Во как помогает... Купить, конечно, его я не смог! А вот записать название попросил у аптекарши на отдельном листочке... Как же — ведь точно так же

с сердцем маются у нас, почитай, полдеревни: и бабка Христя, и Пудьяновы, и оба Жахтановы... Оно ж, наверное, любому пригодится, раз такой силой обладает. Пусть идут в город, пусть тоже себе спрашивают... Глядишь, и у них боли пройдут... как вот у меня прошли... От одного названия...

ПРО ФОТОГРАФИЮ

А вот что я знаю сам про своего дедушку Трофима.

...Застолье по случаю празднования дня Победы (тогда её ещё называли *великой*) начиналось как будто нехотя — осторожненько: часто извинялись, говорили сперва тихо, а то и вовсе шепотком. Дедушка на правах хозяина дома произносил тосты в честь дорогих гостей. Потом застолье становилось всё громче и громче, как будто гости выбирались из каких-то своих *тайников*. Кобель, скрытый в конуре нестругаными досками, изредка повизгивал на чей-нибудь незнакомый голос. Потом кричали песни. Почти не извинялись. К вечеру от комаров перебрались в хату.

И вот тогда-то, в большой комнате, при свете керосиновой лампы на просьбу: “Ну, теперь покажи, Троша”, — дед показывал своим фронтovým друзьям заветную фотографию, которую хранил он рядом с сердцем в нагрудном кармане гимнастёрки, застёгнутом всегда на маленькую потёртую металлическую пуговку с еле заметной звёздочкой. Доставал дед реликвию медленно, чтобы не дай-то Бог что с ней случилось.

И вот она появлялась на свет, завёрнутая в выцветшую за столько лет тряпицу. Дед дрожащими пальцами разворачивал её не торопясь, значительно. Гости подсаживались поближе к деду. Разговоры стихали. Отставив далеко от глаз руку с фотографией или, вернее сказать, тем, что от неё осталось, первым долго всматривался в этот выгоревший лоскуток бумаги дедушка. На любовавшись на драгоценное фото, он бережно передавал его сидевшему рядом взволнованному однополчанину, приговаривая: “Ну, ты помнишь, вот здесь, — и он осторожно касался почти чистого листка подрагивающим пальцем, — сидел тогда я, вот тут — он, наш генерал, брат мой Никита, а вот тут, — указывал он на другой край бумажки, сильно потёртой, словно вылинявшей от времени, — тут поллитровка стояла...” Тот, кто держал листок, согласно кивал и так же бережно передавал реликвию нетерпеливо ожидавшему своей очереди соседу.

Наверное, потому, что друзья были настоящие, понимали они друг друга особенно хорошо — так, как сейчас если и бывает, то крайне редко или вообще не бывает... Они брали вычищенный временем листок выцветшей фотобумаги, давно растерявший и изображение генерала, и самого Троши, и поллитровки той фронтовой; глядели они на него так, как будто вглядываясь в свою прошлую жизнь и... затахали, и смахивал кто-нибудь скучную мужскую слезу. И шла та фотография по рукам, по крестьянским изработанным рукам, давно уже и не фотография, а живая память о Великой Победе, о последних днях той треклятой войны.

ПРО ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ ПОЛЁТАМИ

Пашинных Славка далеко пошёл... Аж в самый космос головой упёрся... Был тут Пашин-старший у него в гостях, в Москве... Тот его напрямик в Центр управления полётами проводил... Он потом сам рассказывал... Пришли, говорит, туда, на меня ноль внимания — все как один в потолок глядят, туда — в космос... Понятно — там интересней, там космические корабли... Я ж не дурак, я всё понимаю... Что им на меня пялиться — на землянина, когда там, в космосе, инопланетян пруд пруди — есть на кого поглядеть, не то что... Кругом экраны... Насчитал штук сто... Сбился со счёту... Небедно живут, рассуждаю себе, денёжки у них водятся... Слышу — голос на весь зал: “Витязь, а Витязь, как слышите меня?”. Тот с корабля отвечает, что, дескать, слышу-то хорошо, а вот с правым двигате-

лем — проблемы... А этот ему: “Ну, так на то есть левый...” А *Витязь* ему: “Да и левый отказал тоже...”. Помолчали оба... Думают, соображают... Этот *Витязю* тогда и говорит: “А катапульта на что?”. И, похоже, сердится как-то всё больше и больше... “Так ведь и катапульта тоже...” — отвечает тот... Этот ему: “Тогда слушайте меня внимательно, *Витязь*, и запоминайте... Нет, лучше повторяйте за мной...”. И начал: “Отче наш, иже еси на небесех...”. Ты понял?... Чем прикрылся... Там у них всё шифруется, всё кодируется до мелочей... Чтоб таким, как я, ничего было не понять, что там у них происходит... Да я и так ничего не понял... Ма-асте-ра-а! Разведка...

ПРО НОВОСЁЛОВ

Муж и жена Герберы поначалу сильно обрадовались, что в хате, которую они купили в Березниках, всё как было на своих местах до выезда хозяев, так и осталось. Разве ж это плохо? Заходи и живи... недорого... И ложки, и вилки, и постели застланные... И ковры прикроватные с лебедями... Тут Гербер, когда увидел лебедей, умилился. “Примитивы”, — сказал про себя. Ну, стал это он по-хозяйски, заложив руки за спину, прохаживаться по двору. Заглянул в коровник... стал прикидывать: “Тут бар будет”. Заглянул на сеновал: “Тут гостей принимать станем... А что?...” Зашёл в ясли, где овечки когда-то стояли: “Тут туалет суперсовременный соорудим...” Пошёл в хату, подошёл к фотографиям бывших хозяев и их многочисленной родни, стал рассматривать — и остолбенел: на фотографиях люди закрыли глаза, зажмурились все как один... Гербер даже головой затряс — не померещилось ли?... Нет. Не померещилось...

От всего этого захотелось ему на воздух... Пошёл было вон из хаты... И запас между матицей и его головой вроде большой был. Да и пригнулся вроде — так, на всякий случай. А всё-таки саданулся головой о матицу — в голове зашумело, перед глазами темно сделалось... Пришлось опуститься прямо на пол — дух перевести... А Герберша тем временем нашла отхожее место за сараем под грушей, и только это она присела... как стали груши падать ей на голову... Не закончив дела своего, выбежала она во двор. Стоит посереде двора — недоумеваает... А потом в хату кинулась за объяснениями к Герберу — мужу своему... Не могла не заметить, что как только вбежала в дом, икона, которая висела в углу под чистенькой кисейей, повернулась к ней спиной: кипарисовая доска, согнутые временем шпонки... Не стала она радоваться тем достоинствам старинной иконы, кинулась было к печке — приманили её стоявшие там прислонённые к стенке емки на длинных ручках, кочерги, чапельники... Взялась открывать печь, заслонку на загнетке отодвинула в сторонку... Полезла емками внутрь — в самую душу, как говорится... Только не захотела печь душу свою перед чужим человеком открывать: сколько ни старалась Герберша сдвинуть чугунок — он стоял на смерть. Чугунок одержал-таки над ней победу... Не получилось ей заглянуть в душу русской печи... Кинула раздражённо емки на палати... Побежала скорей к мужу. Видит — тот лежит на полу, руку приподнял, будто от кого защищается. Переглянувшись, сразу же и решили: шут с ними, с деньгами... С этим домиком в деревне... Живыми бы остаться. И что интересно: ворота, которые поначалу так и не смогли они открыть (зашли через калитку, а так хотелось именно через ворота, да на белом коне...), так вот, они перед ними сами раскрылись, распахнулись настезь... Уходили — даже не оглянулись ни разу... Я теперь понимаю, почему брошенные русские деревни наши пустуют... В них духи прежних хозяев по сей день обитают, ждут свою трудовую смену, достойных преемников их натруженных судеб... А таких — чтоб работать, как они работали, — теперь на всю Россию если и сыщется, ну, два, ну, три, ну, четыре человека... А они всё равно ждут, надеются. А смена, как всегда... задерживается, запаздывает.